

Газовый пакет 2020 и Quo Vadis

КЛАУС-ДИТЕР БОРХАРДТ

Проф., д-р, Европейская Комиссия, Генеральный Директорат по энергетике,
Директор по внутреннему энергетическому рынку ЕС,
Сопредседатель со стороны ЕС Консультативного Совета Россия–ЕС по газу

(беседует АНДРЕЙ КОНОПЛЯНИК,

Проф., д.э.н., Советник Генерального директора, ООО «Газпром экспорт»,
Сопредседатель со стороны России Рабочей группы 2 «Внутренние рынки»
Консультативного Совета Россия–ЕС по газу)

А.К.: Когда мы говорим о предпосылках пакета «Чистая энергия для всех европейцев», становится понятно, почему ЕС стал для всего мира инициатором перехода к низкоуглеродной экономике, включая борьбу за «чистую энергию (энергетику)». С одной стороны, именно в Европе началась первая промышленная революция со всеми ее дальнейшими положительными технологическими и эко-

номическими последствиями для человечества и мировой экономики. С другой стороны, Европа стала и первым регионом, испытавшим на себе негативные экологические последствия индустриализации, осуществлявшейся методом проб и ошибок. Из-за высокой плотности населения именно этот регион оказался особенно чувствительным к негативным, в первую очередь в экологической

сфере, последствиям индустриализации. Значение этих обстоятельств еще более возросло, когда основные страны Европы достигли высокого уровня жизни и в сознании населения стали доминировать вопросы качества жизни, включая качество окружающей среды.

Но Европа была и остается зависимой от ископаемого топлива – как от более «грязных» (уголь и нефть), так и более «чистого» (газ) традиционных энергоресурсов. Кроме того, она до сих пор зависит от импорта всех трех видов топлива. Поэтому декарбонизацию можно рассматривать с экологической, экономической и/или политической точек зрения. Как эти направления соотносятся друг с другом в Европе? Какое из них превалирует в политике ЕС по декарбонизации?

Кроме того, из Ваших публичных заявлений кажется, что концепция «чистой энергии (энергетики)» за последние месяцы дрейфовала от доминировавшего ранее в ЕС видения «полностью электрического» мира к более сбалансированному видению комбинированных газово-электрических энергетических систем, к пониманию необходимости слияния (объединенного, взаимодополняющего развития) структур газового и электрического рынков. Здесь газ уже выступает не только в качестве временного моста к полностью электрическому будущему, чтобы исчезнуть в конце переходного периода (примерно так выглядела ранее преобладающая позиция ЕС, по крайней мере, в большинстве его политических кругов), но и остается неотъемлемой частью общей структуры газового и электрического рынков.

Итак, что Вы, как один из ключевых архитекторов будущей энергетики ЕС, думаете сейчас о декарбонизации?

К.-Д.Б.: Энергетическая отрасль Европы переживает масштабную трансформацию, нацеленную на декарбонизацию всех аспектов нашей повседневной жизни – и все это за сравнительно короткое время. Сверхзадача – перейти к углеродно-нейтральной экономике, к Европе с нулевыми выбросами. Путь понятен: к 2050 году надо декарбонизировать экономику примерно на 80–95% по сравнению с уровнем 1990 года. Промежуточные цели – достичь сокращения выбросов на 40% к 2030 году и на 60% к 2040-му. При организации этого перехода надо обеспечить, чтобы энергоснабжение Европы оставалось также надежным, гарантированным и конкурентоспособным в любое время. Это – не только необходимые элементы для принятия обществом энергетического перехода, но и также ключевые цели Энергетического союза. Это требует хорошо сбалансированного сочетания энергоносителей и технологий, более гибкой энергогенерации, улучшений в энергоэффективности, хранении энергии и децентрализованного энергопроизводства. Более того, переход к массивно декарбонизированной энергетике должен быть осуществлен наиболее экономически эффективным путем.

В рамках этого процесса (природный) газ может сыграть важную роль и выступить в качестве связующего звена, облегчающего интеграцию ВИЭ в энергохозяйство через сочетание газовой и энергетической инфраструктуры. Газ предоставляет необходимую гибкость, так как газовые электростанции могут быть быстро запущены

и остановлены; он также предоставляет гибкость и благодаря возможностям его хранения.

Однако в долгосрочной перспективе газовая отрасль столкнется с вызовом. Если существует намерение сохранить газ в энергетическом балансе ЕС до 2050 года и далее, его будет необходимо эффективно декарбонизировать, переводить из категории ископаемых топлив в категорию «возобновляемых» и «декарбонизированных» газов. Очевидно, это потребует массивного внедрения новых технологий, повлечет соответствующие издержки и потребует изменений в регулировании.

Энергетическая отрасль Европы переживает масштабную трансформацию, нацеленную на декарбонизацию всех аспектов нашей повседневной жизни

Пакет законопроектов «Чистая энергия для всех европейцев» призван проложить путь к достижению среднесрочных целей по декарбонизации, поставленных к 2030 году. Он фокусируется на реформе модели рынка электроэнергии, на ВИЭ, энергоэффективности и на устойчивой концепции управления Энергетическим союзом. Однако могут потребоваться и поправки к существующей системе регулирования в газовой отрасли. Важны три момента: так называемое «отзеркаливание», укрепление внутреннего газового рынка, в котором должна найти отражение будущая роль газа.

А.К.: Вы упомянули три момента (сюжета). С моей точки зрения, первый требует дальнейших пояснений; второй поднимает обоснованную озабоченность в отношении возможного дискриминационного характера отношений с поставщиками газа из-за пределов ЕС; а третий может рассматриваться как перспективная область для расширения российско-европейского сотрудничества в газовой сфере. Давайте разберем их по очереди. Начнем с «нейтрального». Не могли бы Вы более подробно объяснить концепцию так называемого «отзеркаливания»?

ОТЗЕРКАЛИВАНИЕ

К.-Д.Б.: Должен признать, этот термин уже вызвал некоторое недопонимание и путаницу. В нашем представлении «отзеркаливание» работает довольно просто: мы смотрим, какие из новых концепций и инструментов, введенных на рынке электроэнергии в рамках пакета «Чистая энергия», могут или даже должны быть применены и для нашей модели газового рынка. Однако это не просто прямое копирование. Этот подход требует внимательного анализа того, какие меры и условия будут оправданы при внедрении их и на газовом рынке и как они помогут сблизить эти два рынка.

Ясно, что фокус здесь – на общих для газового и электрического рынков регулятивных вопросах одного уровня, таких как положения об управлении, об открытых и чест-

ных розничных рынках, «умных сетях», «умных счетчиков» и защите прав потребителей (например, в выставлении счетов, динамическом ценообразовании, реагировании на изменение спроса, защите данных).

Это «отзеркаливание» также дает возможность упорядочить регулирование в газовой сфере, например, через устранение тех его положений, которые после семи лет применения показали себя как избыточные.

А.К.: В качестве второго сюжета Вы упомянули укрепление внутреннего рынка газа. Что вы имеете в виду под этим? Мне показалось, что этот сюжет относится к недавнему проекту Quo Vadis¹, который был реализован в течение 2017 года в соответствии с Техническим заданием (ТЗ) Директората по энергетике ЕК. Среди Ваших трех сюжетов именно этот пункт может иметь потенциально негативные последствия.

Как вам известно, наши с Вами оценки в отношении проекта Quo Vadis и его выводов, рекомендаций не совпадают. Я неоднократно публично заявлял о своих озабоченностях в отношении возможных негативных последствий нормативных изменений, предложенных в Quo Vadis, для поставок российского газа в ЕС. Кроме того, я действительно считаю, что суммарный эффект пяти предлагаемых для реализации нормативно-правовых сценариев Quo Vadis (четыре из них пронумерованы: реформа тарифов, фактическое и виртуальное слияние рыночных зон, так называемый сценарий комбинированного предоставления доступа к товарному газу и к мощностям по его транспортировке (CCCRS)², и пятый сценарий без номера – он относится к созданию газопроводной инфраструктуры от береговых регазификационных терминалов СПГ до центральной части ЕС (где исторически находятся контрактные пункты сдачи российского газа в ЕС) – является комплексной программой замещения российского газа в регионе его исторического доминирования в Центральной и Восточной Европе импортным СПГ, в первую очередь и в основном – более дорогостоящим СПГ США³. Реализовать это предлагается путем фактического создания искусственных (рукотворных) экономических и административных барьеров для российского газа. Например, это может быть обнуление транспортных тарифов «вход-выход» между рыночными зонами в пределах ЕС и компенсирующее его увеличение входных тарифов в ЕС для поставщиков извне ЕС; резервирование до 50% существующих и новых транспортных мощностей для будущих возможных краткосрочных поставщиков; обязательная продажа до 50% поставляемого в ЕС газа в первой рыночной зоне после входа в ЕС, и др. Суммарный эффект этих мер приведет к снижению текущих экономических конкурентных преимуществ российского трубопроводного газа по сравнению с СПГ США и к повышению внутренних оптовых цен в ЕС. А это повлечет за собой снижение благосостояния ЕС, вопреки декларированной в техзадании к проекту Quo Vadis цели предложить

¹ Более подробно про Quo Vadis см.: А. Конопляник. Четвертый энергопакет ЕС? К чему готовиться «Газпрому» в Европе. (НГВ, № 3/2018, с. 26–36)

² «Combined Commodity-Capacity Release Scenario»

³ См. мои соответствующие публикации и презентации на www.konoplyanik.ru

по его итогам, если необходимо, такие нормативные изменения, которые приведут к росту благосостояния ЕС.

Я считаю, что ЕС, который связан с Россией, ключевым не входящим в ЕС поставщиком газа, общей крупномасштабной дальне-магистральной трансграничной стационарной капиталоемкой инфраструктурой, с учетом того, что пункты поставки российского газа в ЕС были и еще надолго останутся глубоко внутри Европы, не должен разрабатывать свою нормативно-правовую базу, основываясь на подходе «кто кого» (игры с нулевой суммой); а должен стремиться формировать ее на взаимовыгодной основе в рамках концепции «расширенной энергетической Европы». А это означает необходимость принимать во внимание обоснованные озабоченности (его видение рисков и неопределенностей) такого поставщика трубопроводного газа из-за пределов ЕС, который, в отличие от внешних поставщиков СПГ, жестко привязан к ЕС своими поставками. Я полагаю, что укрепление внутреннего газового рынка ЕС должно не только стимулировать свободные перетоки газа внутри ЕС, но и расширять, а не сужать, возможности для поставок газа в ЕС извне ЕС на недискриминационной основе. И в итоге в ныне глобальной конкуренции поставляемого в ЕС трубопроводного газа и СПГ выиграет наиболее конкурентный поставщик (будь-то поставщик трубопроводного газа или поставщик СПГ), что приведет к повышению благосостояния ЕС.

Но это – мое видение результатов Quo Vadis. А какова Ваша интерпретация его результатов?

Если существует намерение сохранить газ в энергетическом балансе ЕС до 2050 года и далее, его будет необходимо эффективно декарбонизировать, переводить из категории ископаемых топлив в категорию «возобновляемых» и «декарбонизированных» газов

УКРЕПЛЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ГАЗА ЕС

К.-Д.Б.: Позвольте заявить предельно ясно: исследование Quo Vadis не является для нас компасом для исправления или улучшения правил работы газового рынка. Это лишь одно исследование среди многих. Оно анализирует некоторые сценарии, на которые было бы интересно посмотреть в контексте будущего рынка газа.

Прежде всего, мы не верили в необходимость в принципе как-то пересматривать правила работы газового рынка. Наши правила работают вполне хорошо. Однако когда мы начали думать о будущем рынка, его связи с рынками электроэнергии и другими секторами экономики, мы посмотрели и на сценарии будущего развития.

Мы также пригласили других участников рынка и организации поделиться с нами своими соображениями и взгля-

дами в отношении будущего нашего газового рынка. Вклад в эту дискуссию уже внесли ACER (Агентство по сотрудничеству европейских энергетических регуляторов), с обновленной целевой моделью газового рынка; а затем и CEER (Совет европейских регуляторов энергетики), со своим исследованием «Будущая роль газа с позиции регуляторов»⁴.

А.К.: *Бизнес-сообщество восприняло проект Quo Vadis с самого его начала как прокладывание пути к Четвертому энергетическому пакету ЕС посредством представления следующему составу Еврокомиссии набора предложений о внесении изменений в систему газового регулирования на основе выполненной в Quo Vadis оценки эффективности Третьего энергетического пакета ЕС во всей его целостности (это Третий энергопакет как таковой в редакции 2009 г. и подготовленные на его основе и в его развитие в 2010–2016 гг. Сетевые кодексы и Регулирования). Озабоченность бизнеса вызывает тот факт, что в конце 2017 года, на момент формулирования рекомендаций Quo Vadis по корректировке системы регулирования газового рынка, отсутствовали практические результаты применения Третьего энергопакета ЕС в его нынешней полноте и целостности, поскольку он не прошел еще путь накопления необходимого опыта применения на практике («кривую обучения»). Например, первый двухлетний цикл (или «кривая накопления опыта») применения на практике Сетевого кодекса по новым газотранспортным мощностям (CAM NC INC) завершится только к середине 2019 года, через два года после предоставления по итогам Quo Vadis рекомендаций о внесении предлагаемых нормативных изменений. Получается, что вместо полного внедрения и улучшения, когда и если это необходимо, существующей нормативно-правовой базы на основании Третьего энергопакета, Quo Vadis, похоже, предлагает изменить эту базу без необходимой и достаточной проверки на практике ее эффективности.*

Благодарю Вас за то, что Вы безоговорочно понизили значимость проекта Quo Vadis и говорите о нем в последнее время лишь как об одном из многих исследований, ему подобных.

Тем не менее, как мне кажется, это исследование все же отличается от других. Quo Vadis – единственное исследование, которое предоставляет не количественную оценку последствий того или иного предстоящего изменения, основанную на различных предположениях/допущениях, использованных в качестве исходных данных для расчета, но которое предлагает конкретные изменения нормативно-правовой базы газовой отрасли, меняя таким образом всю бизнес-среду в ней в целом. Поэтому его последствия, как для ЕС, так и для поставщиков газа в ЕС извне ЕС, будут по сравнению с многими другими исследованиями гораздо более серьезными. Прокомментируйте это, пожалуйста.

К.-Д.Б.: Я не согласен, что Quo Vadis отличается от других исследований. Говоря в целом, следует различать те исследования, которые в более общем виде рассматривают вопросы стратегического развития (сюда относятся и Quo Vadis), и те, которые проводятся, чтобы оценить

последствия принятых решений о введении тех или иных мер и выбрать наиболее эффективные и действенные варианты их реализации. Последние подразумевают, скорее, количественный подход.

Исследование стратегического характера неизбежно рассматривает возможные варианты, которые должны быть более подробно проанализированы в рамках не количественного, а качественного подхода. И только если мы приходим к выводу, что хотели бы воплотить один из этих сценариев в жизнь, за этим следуют количественные исследования. Поэтому нельзя сравнивать значение тех или иных исследований так, как Вы это сейчас сделали. Исследование Quo Vadis – это вклад в общую дискуссию о стратегии, вот и все.

Пакет законопроектов «Чистая энергия для всех европейцев» призван проложить путь к достижению среднесрочных целей по декарбонизации, поставленных к 2030 году

А.К.: *Одним из ключевых обсуждаемых вопросов в период подготовки Сетевого кодекса по новым мощностям (CAM NC INC) и Сетевого кодекса о тарифах (TAR NC) в 2013–2016 гг. был вопрос о так называемых краткосрочных квотах – доле технических газотранспортных мощностей, резервируемой для потенциальных краткосрочных поставок/поставщиков. Ключевой вопрос тут был, кто будет за это платить. Когда изучается создание новых мощностей на основе рыночного спроса на мощности и будущие поставщики должны забронировать еще не созданные мощности, чтобы обеспечить тем самым возможность их финансирования, резервирование даже 10% (необеспеченных контрактами грузоотправителей) может создать дополнительное обременение для проектного финансирования новой инфраструктуры. Но в сценарии комбинированного предоставления доступа к товарному газу и к мощностям по его транспортировке (CCCRS), представленном в финальной версии Quo Vadis, предлагается увеличить эту долю до 50%. Кроме того, предлагается до 50% поступающего в ЕС газа извне ЕС продавать уже в первой рыночной зоне после входа в ЕС. Это не проблема для таких поставщиков трубопроводного газа, как Норвегия или Алжир, и/или для всех поставщиков СПГ, – все они и так продают свой газ в первой входной зоне. Поэтому это ограничение касается, по сути, только (?) российских поставщиков трубопроводного газа. И, следовательно, оно может рассматриваться как специально созданная (индивидуально скроенная) дискриминационная мера, направленная против одного конкретного поставщика. Прошу Вас прокомментировать этот сценарий/предложение.*

К.-Д.Б.: Мне иногда кажется, будто российская сторона считает, что все действия ЕС, которые негативно влия-

⁴ «Future Role of Gas from a Regulatory Perspective» (FROG).

ют на российский газ, дискриминационны сами по себе. Но такой взгляд – в корне неверный. Мы смотрим на ситуацию на нашем рынке, и если видим, что на рынке не хватает конкуренции, – мы ищем средства и способы это исправить. Вот это мы и делаем.

Мы искренне верим в открытый конкурентный рынок, как единственную модель, которая приносит выгоду потребителям. Отсюда и идея изучить сценарий комбинированного предоставления доступа к товарному газу и к мощностям по его транспортировке (CCCRS): в отрасли, где работают лишь несколько крупных производителей и поставщиков из третьих стран, конкуренция может выиграть, если увеличить долю технических мощностей, выделяемых (резервируемых) для продажи на аукционах на срок до года (сейчас это 20%). Такое же увеличение доли можно предусмотреть для дополнительных, новых мощностей (сейчас – 10%). Наконец, применение программ «газ-релиза»⁵ можно передать в компетенцию национальных регулирующих органов.

Важны три момента: так называемое «отзеркаливание», укрепление внутреннего газового рынка, в котором должна найти отражение будущая роль газа

В этом свете я не могу понять, почему такие правила должны коснуться только российского поставщика газа. Эти правила будут применяться ко всем внешним поставщикам.

Но опять же, это – сценарий, который мы рассматриваем. Могут потребоваться и дополнительные исследования, поскольку идея Quo Vadis применить сценарий CCCRS к ближайшей⁶ виртуальной торговой точке, на мой взгляд, не срабатывает. Это же верно и для предложенных процентов увеличения доли⁷. Что касается программ «газ-релиза», то в прошлом они работали хорошо. Однако такие механизмы могут решать лишь специфические проблемы отдельных закрытых рынков⁸, но не должны применяться на всех газовых рынках Европы.

В этом контексте я хотел бы упомянуть еще один инструмент, который мы сейчас изучаем: более индивидуально скроенный подход к регулированию, основанный на бенчмарках⁹. В целом, внутренний газовый рынок развивается хорошо, однако отдельные страны ЕС отстают. Так поче-

⁵ Резервирование доли товара, для продажи на аукционах, для тестирования рынка. Наиболее свежий пример, на мой взгляд, история с трубопроводом OPAL (сухотупное продолжение на юг морской части трубопровода «Северный поток-1»), когда полный доступ к его мощностям был обусловлен продажей 3 млрд куб м газа на аукционах (А. К.)

⁶ первой после входа в ЕС (А. К.)

⁷ резервирования мощностей для краткосрочных поставок/поставщиков (А. К.)

⁸ путем их принудительного раскрытия (А. К.)

⁹ «пороговых»/«маркерных» показателей (А. К.)

му бы не сформулировать цели так, чтобы они отражали параметры хорошо функционирующего рынка (например, количество источников поставок, рыночные доли компаний, средний спред цен по отношению к «маркерным» ценам ЕС), и не стимулировать тех, кто этим параметрам не соответствует, принять немедленные меры?

А.К.: *Представляется, что предложенное в Quo Vadis решение проблемы «слоеного пирога тарифов» при трансграничной транспортировке газа внутри ЕС (tariff pancaking) основано на подходе «кто кого» (игры с нулевой суммой) и дискриминирует не входящих в состав ЕС поставщиков газа, так как в сценарии реформы тарифов предлагается обнулить трансграничные тарифы внутри ЕС и компенсационно увеличить тарифы на вход в ЕС. Это искусственно снизит конкурентоспособность не входящих в состав ЕС поставщиков, так как уменьшит маржу между ценой на товар и затратами на его доставку потребителю на сумму повышенного входного транспортного тарифа в ЕС. Как Вы можете это прокомментировать?*

К.-Д.Б.: И опять вы немедленно заклеили идею тестирования механизма перераспределения источников выручки сетевых операторов в ЕС как дискриминационную. А ведь она не такая! Сокращение конкурентоспособности внешних поставщиков газа само по себе не есть дискриминация. Существующая сейчас схема тарификации может приводить к искажению стимулов для инвестирования, эффекту «слоеного пирога тарифов» (tariff pancaking) или появлению предпочтительных маршрутов. Вот поэтому мы должны действовать.

Смещение тарифной нагрузки на входные границы ЕС, определенно, решило бы проблему. Однако для такой системы необходимо создать на уровне ЕС схему компенсации между транспортными операторами стран ЕС, а эта миссия в настоящий момент невыполнима. Поэтому данный сценарий Quo Vadis не войдет в нашу программу улучшений правил работы газового рынка.

Вместо этого мы рассматриваем возможности изучения вариантов более гармонизированной системы регулирования, которая создавала бы стимулы для сотрудничества и более эффективного планирования и использования сетевого хозяйства, во имя выгоды конечного потребителя.

А.К.: *Второй из трех Ваших сюжетов – проект Quo Vadis и его рекомендации в области стратегии развития системы регулирования рынка газа ЕС – вызвал ряд озабоченностей в отношении предполагаемого дискриминационного подхода к российским поставкам трубопроводного газа. С моей точки зрения, Quo Vadis отражает преимущественно неприязненную систему взглядов по отношению к российскому газу в ЕС. Поэтому наш диалог по этому вопросу может оставить негативный осадок у читателей.*

В то же время Ваш третий сюжет может, по моему мнению, расширить область возможного сотрудничества России и ЕС в газовой сфере. Разъяснение Вашего видения по этому вопросу может сформировать более положительное впечатление от нашего диалога. Поэтому я хотел бы более подробно остановиться на Вашем видении роли газа

в будущем. Я надеюсь, это также стимулирует более положительное восприятие в ЕС роли российского газа в будущем Европы. Поэтому из трех Ваших сюжетов – этот с наиболее положительными ожидаемыми последствиями.

Сам факт того, что Вы неоднократно в течение последних месяцев публично заявляли, что энергетика ЕС в будущем не может быть только «цифровой, электрической и возобновляемой» (*digital, electrical, renewable*), для меня означает смену курса в «правильном» направлении (на уровне Вашего собственного и Вашего Директората понимания или на уровне понимания и в других принимающих решения органах ЕС – поясните, пожалуйста): от маргинального, «не-экономического» видения полностью электрического энергохозяйства ЕС на основе ВИЭ к более сбалансированному видению комбинированного газо-электрического будущего ЕС как наиболее приемлемой комбинации энергоресурсов для достижения целей декарбонизации на практике. Для меня это является своего рода отражением эффекта маятника, когда после достижения крайнего положения при отклонении от сбалансированной позиции маятник начинает двигаться в обратном направлении, возвращаясь к сбалансированному, равновесному состоянию. Может быть, это именно то, что мы наблюдаем в ЕС сейчас и что находит отражение в Ваших регулярных заявлениях последнего времени?

Кроме того, эта корректировка видения будущего энергохозяйства ЕС от построенного «только на электронах» к построенному на «комбинации электронов и молекул», на мой взгляд, может отражать возможную деполитизацию будущего развития энергетики ЕС. Почему я делаю такое предположение? Мне представляется, что концепция «цифрового, электрического, возобновляемого» ЕС была разработана после 2009 года (после второго транзитного газового кризиса между Россией и Украиной) на основании двух ключевых суждений: что электроны экологичны (поскольку представляют электроэнергию на основе ВИЭ) и что они окрашены в цвета национальных флагов ЕС (так как они – на основе ветровой и солнечной энергии – могут быть произведены внутри Европы). В противоположность этому, молекулы неэкологичны (так как представляют невозобновляемое ископаемое топливо) и окрашены в цвета национальных флагов государств, не входящих в состав ЕС (так как ЕС зависит от импорта газа и прочих невозобновляемых энергоресурсов). Поэтому, видимо, предполагалось, что переход к исключительно электрической энергетике в ЕС, основанной в большей степени или только на возобновляемой энергии, решит как проблемы экологической обстановки в ЕС, так и проблему зависимости от импорта энергоресурсов (проблему передачи и перераспределения природной ресурсной ренты).

Как Вы можете это прокомментировать?

БУДУЩАЯ НОВАЯ РОЛЬ ГАЗА

К.-Д.Б.: Главная причина движения к увеличению доли ВИЭ в европейском энергобалансе – это наша политика в области климата и экологии. Определенно, драйвером не является зависимость от импорта природного газа, так как существовало убеждение, что газ и другие ископаемые

топлива в любом случае надолго в энергобалансе не останутся. И кстати, масштабное использование ВИЭ также не означает, что вся энергия возобновляемых будет производиться внутри ЕС, определенный объем импорта также сохранится.

Тем временем, особенно на нынешнем этапе, изменилось видение будущего природного газа в европейском энергобалансе. Сейчас значительное большинство верит в будущее газа, и в то, что газ сможет сыграть важную роль в процессе декарбонизации: газ – идеальная резервная технология для нестабильных ВИЭ. Он характеризуется большой степенью гибкости, позволяющей сбалансировать процесс интеграции возобновляемых источников в энергопроизводство (он более гибкий по сравнению с атомной энергетикой), а также наименьшей углеродоемкостью (содержанием CO₂) среди ископаемых топлив.

Однако на уровне ЕС не будут приниматься меры регулирования, направленные на отказ от других видов топлива. Еврокомиссия не придерживается политики избирательной поддержки отдельных технологий. Это касается и газа.

Поэтому, чтобы газ мог сыграть столь важную роль в энергобалансе, он должен победить в экономической и технологической конкуренции.

Мы искренне верим в открытый конкурентный рынок, как единственную модель, которая приносит выгоду потребителям

А.К.: Одним из аспектов дебатов в отношении перспектив газа в ЕС является проведение водораздела между природным газом и газом возобновляемым. Не могли бы Вы более четко обозначить такое разделение и его последствия для энергетической политики ЕС?

К.-Д.Б.: Действительно, я вижу четкое разделение между будущим природного газа и будущим «зеленого» или возобновляемого газа.

Природный газ должен победить в конкурентной борьбе, в первую очередь, с углем. Это должно быть возможно при поддержке системы торговли выбросами (ETS¹⁰), которая недавно была реформирована. Уже есть прогресс в части сокращения излишка квот в рамках ETS; а создание резерва рыночной стабилизации поможет сбалансировать рынок выбросов.

Победа в этой конкурентной борьбе как минимум обеспечит природному газу в кратко- и среднесрочном периоде роль «переходного топлива» для развития ВИЭ, вплоть до 2030–2035 годов.

А.К.: А на более долгую перспективу до 2050 года и далее?

К.-Д.Б.: Ответ на этот вопрос очень сильно зависит от того, верим ли мы в полностью электрический мир, вся энергия в котором вырабатывается как электричество из возобновляемых источников, хранится как электри-

¹⁰ Emission Trading System (ETS)

чество, и все способы ее конечного использования переведены на электроприборы (например, в форме тепловых насосов и аккумуляторных электромобилей). В таком мире газовой отрасли, как мы ее знаем, места нет.

А.К.: *На основании Ваших недавних публичных заявлений складывается впечатление, что Вы не верите в полностью электрический мир.*

К.-Д.Б.: Действительно, я сам не верю в такой полностью электрический сценарий. Последние исследования обнаружили, что переход к полностью электрическому миру как невозможен технологически, так и неэффективен экономически, и неприемлем для потребителей и широкой общественности.

Более того, зачем нам отказываться от газовой инфраструктуры, которая хорошо развита в значительной части Европы и срок ее службы простирается далеко за пределы 2050 года? Это бы означало омертвление активов стоимостью в миллиарды евро.

Но ответ о будущем газа в долгосрочной перспективе зависит от того, сможем ли мы декарбонизировать природный газ и производить возобновляемые газы.

А.К.: *Какие перспективы декарбонизации природного газа Вы видите? И каковы перспективы сотрудничества России и ЕС в этом отношении?*

К.-Д.Б.: Для декарбонизации природного газа нам нужны технологии улавливания и хранения углерода (CCS, Carbon Capture and Storage). Без этого сохранить природный газ в энергобалансе на долгосрочную перспективу будет невозможно. Неважно, будет ли это осуществлено за счет декарбонизации газа до его сжигания применением процесса риформинга или декарбонизацией после сжигания газа. Важно то, что мы получим безуглеродный газ, который сможет использовать существующую газовую инфраструктуру, трубопроводы, хранилища, распределительную сеть и устройства в домохозяйствах.

Я верю и в то, что российским газовым компаниям рано или поздно придется выбрать, как они собираются решить вопрос поставок на европейские рынки. Спрос будет сдвигаться в сторону декарбонизированного газа, и в моем понимании, у России есть потенциал удовлетворить этот спрос, просто организовав декарбонизацию газа у его источника, на месте добычи. Потом его можно будет поставлять на европейские рынки по существующей системе трубопроводов.

А.К.: *Прокомментируйте более подробно Ваше видение технологии «электроэнергия в газ» (power-to-gas). И какие перспективы сотрудничества России и ЕС в этой области Вы видите?*

К.-Д.Б.: Технология «электроэнергия в газ» нужна нам для производства возобновляемого газа. Это технология производства возобновляемых (воспроизводимых) водорода и метана в периоды наличия излишка электроэнергии, произведенной солнцем и ветром. Это также – возможность связать воедино электроэнергетическую и газовую инфраструктуру. Это может оказаться самой многообещающей технологией для интеграции отдельных энергетических сек-

торов, таких как транспорт (мобильная энергетика), выработка тепла и электроэнергии (стационарная энергетика) – так называемое слияние секторов. «Электроэнергия в газ» выглядит как универсальное решение ключевых проблем энергетики. Избыток электроэнергии ВИЭ (ветра и фотоэлектропреобразователей) может быть с помощью электролиза трансформирован в водород и затем в метан, который может быть закачан в газовую сеть и существующие хранилища. Водород производить проще, чем метан, но метану легче обеспечить доступ в сеть (тут нет ограничений), тогда как примесь водорода может составить лишь до 10–15%. Надо сделать выбор – либо улучшать производство метана, либо адаптировать газотранспортные сети к возможности транспортировки водорода, полученного из возобновляемых источников.

Возобновляемые газы и газы с низким уровнем выбросов как энергоносители могут сыграть важную дополняющую роль в процессе трансформации энергетики. Примеры экономически эффективного применения их – контролируемая генерация в электроэнергетических системах с высокой долей солнечной и ветровой энергии, отопление в холодные периоды (в дополнение к электрическим тепловым насосам), тяжелый грузовой транспорт и многие промышленные процессы, в том числе производство стали, удобрений и другой продукции химической промышленности.

Возможности развития сотрудничества в этой сфере спрогнозировать сложно, потому что я просто не знаю, насколько Россия заинтересована в этой технологии, с учетом огромного потенциала производства декарбонизированного газа. Однако сотрудничество и дискуссии на тему будущего энергетической отрасли всегда полезны.

А.К.: *Складывается впечатление, что Вы, в силу изложенного, видите для энергетики ЕС гибридное газо-электрическое будущее: газообразное топливо с нулевым содержанием углерода будет сосуществовать с возобновляемой электроэнергией, в отличие от концепции полной электрификации в рамках «цифрового, электрического, возобновляемого» будущего энергетики ЕС, доминирующего в публичном пространстве ЕС и возможно продолжающего доминировать в политических кругах ЕС, по крайней мере, среди популистски настроенных политиков.*

Такое Ваше видение расширяет область потенциального (я хотел бы подчеркнуть, что это возможность, а не предопределенность) сотрудничества России и ЕС в газовой сфере, направленного не только на защиту сегодняшней конкурентной ниши российского газа на рынке ЕС (по крайней мере, не сжимая ее искусственными административными мерами под вывеской «позитивной дискриминации»), но, может быть, и на дальнейшее увеличение этой ниши на конкурентной основе. Как Вам известно, моя страна готова к этому.

Однако при этом может возникнуть конфликт с видением антимонопольных органов ЕС в отношении доминирующей роли отдельных поставщиков, даже если их доля рынка основана на конкурентных преимуществах (конкурентный уровень цены, гибкие модели ценообразования, огромная доступная ресурсная база и производственные и транспортные мощности). Кроме всего прочего, многое зависит от того, какие расчетные методики ис-

пользуются для определения такого рыночного доминирования – только ли методика HHI (индекс Херфиндаля-Хиршмана), которая может быть хорошо подходит для отраслей обрабатывающей промышленности, но, скажем мягко, не так эффективна, по моему мнению, для добывающих отраслей в системе взаимоотношений суверенных государств (обладающих перманентным суверенитетом над своими природными ресурсами). Или это могут быть и альтернативные методы, если таковые существуют.

Возможно, Вы согласитесь, что сейчас доля России на газовом рынке ЕС четко демонстрирует конкурентные преимущества российского газа для ЕС в сравнении, в первую очередь, с поставками СПГ из системы его глобальной торговли. Я полностью согласен в этом отношении с неоднократными заявлениями главного экономиста ВР Спенсера Дейла, сделанными в Москве, Брюсселе и/или Вашингтоне, что текущая доля российского газа на рынке ЕС достигнута в результате конкуренции с другими, объективно немногими, поставщиками трубопроводного газа в ЕС, как местного (уменьшающаяся выработка на месторождении Гронинген в Нидерландах), так и импортного происхождения (Норвегия, Алжир, Азербайджанский газ, который будет поступать по «Южному коридору»), и с глобальным СПГ. Поэтому, по его и моему мнению, в настоящее время российский газ выигрывает в глобальной газовой конкуренции соревнование на рынке ЕС. Это однозначно доказано низким использованием регазификационных терминалов СПГ ЕС.

Для меня на практике это означает, что если ЕС развивает свою экономику и энергетические рынки на основе принципов рыночной экономики открытого типа, то в них не должно быть места для искусственно созданных дополнительных барьеров для конкурентных поставок и поставщиков. Как Вы рассматриваете перспективы такого сотрудничества? Не столкнется ли декарбонизация российского газа с другими ограничениями (даже если под знаком положительной дискриминации), препятствующими расширению его конкурентной ниши в ЕС?

«Электроэнергия в газ» выглядит как универсальное решение ключевых проблем энергетики

К.-Д.Б.: Действительно, я вижу будущее как гибридную систему: безуглеродные газы будут сосуществовать в ней с электричеством на основе ВИЭ. Наши климатические цели не требуют той или иной определенной технологии – для их достижения потребуются сбалансированная комбинация энергоресурсов и технологий. В каком соотношении? Будущее покажет. Но гибридная модель – это не о замене электроэнергии ВИЭ в крупном масштабе безуглеродными газами. Поскольку непонятно, какая комбинация существующих и будущих технологий обеспечит наше энергоснабжение к 2050 году, не следует исключать заранее ни одну из технологий, лишая их возможности сыграть долгосрочную роль.

В особенности не следует исключать из рассмотрения существующую газовую инфраструктуру, которая уже оплачена и которая способна эффективно транспортировать большие объемы энергии на дальние расстояния.

Какова будет в этом роль России? Я уверен, что российский газ и российские газовые компании будут всегда приветствоваться на наших рынках, как любая другая иностранная компания. Но также ясно, что мы ожидаем от всех игроков соответствия нашим правилам. В этом смысле сам факт существования доминирующей позиции не является большой проблемой. Проблема возникает, когда этим положением злоупотребляют, как мы это видели в прошлом.

С европейской точки зрения, мы также сожалеем о том, что столь масштабные инфраструктурные проекты, как «Южный поток», «Северный поток-2» или «Турецкий поток-2» просто планируются и реализуются без координации или даже обсуждения с нами – а ведь это масштабные проекты, которые влияют на европейские рынки. Это создает, как мы сейчас видим, недоверие с обеих сторон. А это не лучшая основа для доверительных отношений.

А.К.: Какой Вы видите возможную роль Консультативного совета Россия–ЕС по газу в этой начавшейся и продолжающейся дискуссии о будущей роли газа? Мне кажется, что такие дебаты должны играть роль не формальных переговоров сторон, а неформальных гибких обсуждений для понимания наилучшего пути движения вперед (предпочтительно на совместной/объединенной основе), как бы зондирование обстановки для возможных совместных начинаний. Поэтому Консультативный совет и его Рабочие группы, как деполитизированные собрания, могли бы стать наилучшими доступными площадками для таких дискуссий, даже сейчас, в период турбулентных политических отношений между сторонами. Что Вы думаете по этому поводу? Может быть, сейчас уже наступило время восстановить деятельность самого Совета, если это принесет дополнительную пользу процессу, а не только продолжать диалог на техническом уровне Рабочей группы 2 «Внутренние рынки», как это происходит сейчас?

К.-Д.Б.: Консультативный совет по газу в прошлом был исключительно важным инструментом поддержания дискуссии и создания потенциала для сотрудничества в газовом секторе между Россией и ЕС. Я убежден, что если бы этот инструмент, как и весь энергодиалог Россия–ЕС, не приостановился из-за геополитических событий на Украине и в Крыму, существенное количество проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня, просто бы не появилось. Поэтому Энергодиалог остается важным элементом российско-европейских отношений в энергетике.

Однако, пока российско-украинский конфликт не разрешен в духе минских соглашений и пока санкции против России не сняты, я не вижу возможностей возобновления Энергодиалога.

С другой стороны, я убежден: когда эти проблемы будут решены, именно энергетический сектор, в рамках Энергодиалога, будет первым и самым важным участником восстановления доверительных и взаимовыгодных отношений. 🗨